

ОЧАГИ БЫТОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА И МЕТОДИКА РАБОТЫ ФОЛЬКЛОРИСТА-ФРОНТОВИКА

Л.Н. ПУШКАРЕВ

*Институт
русской истории РАН*

e-mail: pushkarev@mail.ru

В статье представлены результаты записей бывшего солдата Великой Отечественной войны, фольклориста, ушедшего на фронт с третьего курса Московского педагогического института им. К. Либкнехта (после войны – Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина). В статье-воспоминании фронтовика рассказано о методах его работы по сбору устного народного творчества в сложных фронтовых условиях. Эти материалы характеризуют образ мыслей, духовные установки, менталитет, облик бойца Советской армии в годы войны, дополняя другие источники.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронт, госпиталь, фронтовой боевой листок, фольклор, народная песня, частушка, сказка.

Фронтовой фольклор – неизбежный спутник всех войн. Сбор фронтовых песен, пословиц, сказок, сказаний и прочих произведений устного народного творчества проводился фольклористами, конечно, не в боевых условиях. В большинстве случаев это происходило, когда части стояли во фронтовой полосе, бойцы находились в госпитале, во время возвращения их с фронта на побывку домой после госпитализации или демобилизации. Сведения об устном народном творчестве доходили до ученых-фольклористов из действующей армии преимущественно через «вторых лиц» – информаторов, но бывали неполными, отрывочными.

В моей биографии фольклориста выдался счастливый случай. К тому времени, когда я оказался в боевой обстановке на подступах фашистов к Москве, мой студенческий наставник, известный фольклорист В.И. Чичеров уже обучил меня основным приемам записи фольклорного произведения. Он же снабдил меня, как уходящего на фронт солдата, как он предполагал, будущего ученого-фольклориста добротными тетрадами и карандашами – в то время все это было дефицитом. Вооруженный этими наставлениями и «орудиями труда», я начал свои первые записи.

В течение трех с половиной лет я наблюдал бытование фольклора прежде всего в своей воинской части в различных условиях ее боевой жизни – при формировании, на учебе, при выполнении боевых заданий. Произведения устного народного творчества собирал в госпиталях и на контрольно-пропускных пунктах (КПП – зимой их обычно именовали «контрольные обогревательные пункты»). Случались записи на пешем марше, в железнодорожных воинских эшелонах и непосредственно, хотя и крайне редко – в боевой обстановке. В результате мною был собран (а впоследствии тщательно обработан) уникальный свод фронтовых записей и наблюдений, уже в основном введенный автором в научный оборот¹.

Методика сбора фольклорных произведений применялась мною самая различная – в зависимости от условий записи и форм бытования. Я уже знал, что на одно из первых мест следует поставить запись именно во время исполнения песни, сказки, частушки или чего-то другого. Еще будучи студентом, я сумел освоить униграфию (один

¹ Пушкарев Л.Н. Из наблюдений над творчеством фронтовиков (Репертуары и вопросы бытования) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 6. С. 527-540; его же. Из воспоминаний фольклориста-фронтовика // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 325-343; его же. По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.

из ранних видов стенографирования), и это очень пригодилось. Самое главное тогда в военной практике фольклориста было расшифровать наскоро сделанную запись и переписать текст в тетрадь, пока в памяти сохранялась прослушанная сказка, песня или другое произведение народного творчества. Случалось, что я не мог качественно расшифровать запись и обращался за помощью к исполнителю. Как правило, они охотно помогали мне в этом, хотя и были случаи отказа в повторном исполнении. Так, один из сказочников – Васильев на просьбу повторить мне его сказку, которую я не успел записать, ответил мне: «Я тебе не Шухрезада, а ты – не султан!»

Сбор фронтового фольклора привел к выводу, что он будет более плодотворен, если фольклорист сам служит в армии, воюет и вместе с бойцами переносит тяготы фронтового быта, и вообще, если он становится «своим человеком» среди «носителей фронтового фольклора», и лучше, чтобы и вообще не выделялся из среды, подчеркивая свою «ученость». Тогда он может получить более искренние, непосредственные записи, наблюдать рождение народного творчества в различных условиях военных будней. Вначале певцы и «частушечники» всегда стесняются, пока не привыкнут исполнять свои произведения, не обращая ни на кого внимания.

За исключением исполнения маршевых и походных песен (они, хотя тоже входили во фронтовой фольклор, но составляли всего лишь незначительную его часть), устное народное творчество бытовало на фронте главным образом во внебоевое время. Этим временем было выполнение определенных заданий («нарядов» – на военном языке): работа на кухне, строительство оборонительных сооружений, ремонт и уход за техникой и т.д. Но мною были отмечены и случаи проявления народного творчества, «фольклорных произведений» при выполнении боевых заданий: например, в условиях военной специальности нашей части – отдельного батальона химической защиты – это была постановка дымовых завес под огнем противника. Фольклор активно присутствовал в распространенных на фронте концертах художественной самодеятельности, как специально организуемых, так и на стихийно возникших во время фронтового затишья. Все это были, говоря языком фольклористов, «очаги бытования» фронтового устного народного творчества. На некоторых из них остановлюсь подробнее.

Однажды я случайно узнал, что один из солдат в нашей части Н.С. Игнатов рассказывает сказки во время нарядов на кухню. Я обратился к командованию за разрешением быть вместе с кухонным нарядом специально для записи этих сказок. Обычно это происходило глубокой ночью, так как к утру, к приходу повара, требовалось успеть начистить овощей. За сказкой работа спорилась, а я получал возможность делать полноценные записи. Бывало время работы на кухне, бойцы распевали и песни, в том числе сочиненные ими самими или перефразирующие уже известные. Они тоже становились моим достоянием.

Еще в самом начале службы я был назначен комсоргом батальона и «отвечал» за самодеятельность в части. Такая работа давала мне возможность чаще общаться с носителями фольклора, ближе знакомиться с репертуаром песенников и частушечников, записывать их тексты, выяснять их биографии, род занятий до фронта. Из этих записей теперь можно знать года рождения наиболее активной массы бойцов (в основном – 1918-1923 гг.), географию мест их проживания до войны: центральная Россия, Украина, Север страны, западные области, Поволжье, Молдавия и т.д.

Наиболее плодотворными были «очаги бытования» фронтового фольклора во время боевых затиший. Например, при медленном продвижении во фронтовой полосе железнодорожного эшелона, на его остановках – на станциях и полустанках, нередко и в чистом поле. Двери теплушек раскрывались, появлялся откуда-то гармонист, усаживался, свесив ноги обычно в дверях вагона. Бойцы высыпали на перрон, если погода позволяла, многие закуривали, садясь ближе к гармонисту. Как правило, начиналось обычно с песен, а затем фронтовой народ заводил частушки. Бывало, что в сельской местности к эшелону сбегались люди, местная молодежь, преимущественно, девушки. Я оказывался в самой гуще народа. Тогда частушки сыпались как из ро-

га изобилия – только успевай записывать! Поезд отправлялся в путь и бойцы с расширенным репертуаром ехали дальше, неся незатейливые внешне произведения устного народного творчества другим людям по пути движения эшелона. Народ глаголет свое мудрое слово, что, кстати и подразумевает значение термина фольклор. Одна беда: зафиксировать имя исполнителя не всегда удавалось, и записи оказывались паспортизованы не полностью.

Столь же «концентрированным» очагом бытования фронтового фольклора были контрольно-пропускные пункты (КПП) на автомобильных дорогах. Обычно это была вырытая близ перекрестка дорог землянка, где дежурили и жили девушки-регулировщицы. Они дожидались попутных машин с солдатами и офицерами, посланными по каким-нибудь делам за пределы части. Иногда нужно было задержаться по разным причинам. В землянке день и ночь гудела печка-буржуйка, сделанная обычно из железной бочки. Здесь группы бойцов коротали время и тоже нередко за небольшими рассказами и сказками. Песни здесь почему-то пелись редко (наверное они требовали большего времени для общения – спевок, а посетители КПП были люди случайные и, хотя и задерживались, но на короткий срок). Правда, в одной из таких землянок под Смоленском у регулировщицы оказалась гитара, и там я услышал «Синий платочек», «Землянку», «Огонек» и общеармейские авторские песни.

Распространенным «очагом» бытования народного творчества становился госпиталь, особенно – «полевые лечебницы», госпитали для легко раненых. Бойцы находились там более или менее длительное время, и в палатах выздоравливающих записывать фольклор можно было, как правило, долго. Народное творчество включало «госпитальные варианты» знакомых песен. Они отражали острую для раненых тему – возвращение домой, встречи с оставленной возлюбленной или женой. Среди этих песен преобладали темы об оставленных «на гражданке» девушках. Воспевали тех, кто верно ждал солдата. В госпиталях часто возникали состязания частушечников из числа выздоравливающих бойцов, медсестер и санитарок. Эти импровизированные концерты не только давали живой интересный материал для копилки фронтового фольклора. Они имели и лечебное значение, снимая душевное напряжение бойцов после трудного боя, ранений, отвлекая от грустных размышлений о павших товарищах и дальнейшей своей судьбе.

Госпитальный фольклор был весьма специфичным по своему содержанию и идейной направленности. В нем, конечно, преобладали мотивы грусти, тоски по дому и семье, ожидания возможной встречи с близкими бывших бойцов, ставших инвалидами. Поэтому только по госпитальному фольклору нельзя составить верного представления о фронтовом фольклоре в целом, хотя, как мне представляется, что именно в госпиталях и делались многие опубликованные к настоящему дню записи фронтовых песен и других форм народного творчества. Любопытно свойство человеческой природы: после возвращения из госпиталя в часть на фронт или в тыл многие варианты госпитальных песен забывались, и репертуар того же исполнителя существенно менялся.

Заметным «очагом» бытования фронтового фольклора были запасные полки, где формировались воинские части перед отправкой бойцов на передовую. Правда, пребывание в них было кратковременным, сложившегося репертуара там не было, но зато носители народного творчества имели возможность обновить свой репертуар. Сюда, как правило, стекались бойцы из разных частей, с различных фронтов с разным уровнем образования и культуры. Именно из запасных полков поступали в части новые песни и необычные варианты уже известных произведений. Вести записи в запасном полку было нелегко, с трудом у бойцов удавалось достичь нужной откровенности и доверчивости, так как времени для этого было недостаточно, и записи оказывались поспешными.

Важное место во фронтовом фольклоре занимали варианты устного народного творчества, полученные собирателем в письменном виде. Нередко, как это не покажется странным сегодняшнему поколению, привыкшего видеть солдата на фронте

только с винтовкой, некоторые фронтовики вели небольшие песенники-дневники и тщательно сберегали их. В них они заносили наиболее любимые им произведения как авторского (нередко измененного ими самими), так и устного народного творчества. Часто в таких памятных книжечках записывались общевоинские, а также гражданские, еще довоенные песни. Встречались в них и переделки (варианты) песен из кинофильмов. Это тоже может представлять больший интерес для историков Великой Отечественной войны. Ведь бойцы получали новые тексты песен в письмах из тыла от домашних, а также и от своих боевых друзей-соратников с других фронтов. Особенно участились такого рода записи песен, частушек «на память» в конце войны, а также в период демобилизаций.

Обращая внимание историков на самодеятельность в действующей армии, нужно подчеркнуть здесь роль не профессиональных артистов, выступавших на фронтовых концертах, а самостоятельное поэтическое и музыкальное творчество рядовых бойцов, сержантов и офицеров. Внутри-ротная и внутри-батальонная самодеятельность развивалась и питалась из трех связанных между собой, перетекавших из одного источника в другой: столетиями существовавшего неиссякаемого родника прошлого устного народного творчества, произведений профессиональных поэтов и композиторов и самодеятельного репертуара бойцов 1941-1945 гг. – порою несовершенного в художественном отношении, но зато очень искреннего и непосредственного.

От участников художественной самодеятельности я записал много песен и частушек. Интересно провести их сравнение во времени. Две из них, были записанные мною зимой 1941 г., когда гитлеровские войска подошли вплотную к Москве. И тогда вера в победу не покидала народ:

Черна туча, черна туча,
Туча с Запада идет.
Наша армия могуча
Черну тучу разобьет!

К Новому 1942 г. уже все изменилось и тут же появилась частушка:

Как на улице туман,
Полное затмение.
Глянул Гитлер на Москву
И лишился зрения.

А конце войны в 1945 г. появилась широко известная в том же ритме исполнялась другая частушка:

С гор потоки, с гор потоки,
С гор хрустальная вода.
Разгромили мы фашистов –
Не вернуться никогда!

Конечно, по своему художественному уровню фронтовой фольклор был неоднороден. Встречались и громко звучащие, но беспомощные с художественной точки зрения четверостишья, состоявшие порой из слов лозунгов, пропагандировавшихся партийными органами и часто имевшими мало общего с подлинным народным творчеством. Очень часто на фронте распевали песни советских поэтов и композиторов 1920-1930-х гг., ставшие подлинно народным достоянием. Пользовались заслуженной популярностью и песни малоизвестных, а то и безымянных поэтов, сумевших затронуть самые глубинные струны души фронтовиков. Они перефразировались, переименовывались в связи с жизненными реалиями. Приведу пример лишь с одной такой песней. Ее принес в нашу часть Николай Сгиталов, а услышал он ее осенью

1941 г. под г. Ефремовым Тульской обл., где в это время служил раньше. Песня с разными вариантами была весьма характерная для первых месяцев войны:

Милая, не плачь, не надо,
Грустных писем мне не шли.
Знаю я, что ты не рада
Без любимого вдали.
    Верь, что время быстро пролетит.
    Разгромим врагов своей страны,
    До ворот Берлина полк дойдет,
    Ну, а там – конец войны!
Загорелый, утомленный
С автоматом на плечах,
В гимнастерке запыленной
И в походных сапогах
    Милый твой по улице пройдет,
    Там, где не был он уже давно,
    В сумерках твой старый дом найдет,
    Постучит в твоё окно...
Если ж, он землю обнимая,
Ляжет с пулей в груди,
Ты о нем поплачь, родная,
Но домой его не жди.
    Пусть другой вернется из огня,
    Снимет с плеч походные ремни –
    Ты его, родная, как меня,
    Крепко, нежно обними...
Милая, не плачь, не надо
Грустных песен мне не шли.
Знаю я, что ты не рада
Без любимого вдали...

В песне много наивного, но она характерна для переживаний бойца в те первые месяцы войны. Масса солдат, как и весь советский народ, верившая пропаганде, что война не может быть затяжной благодаря силе нашего оружия, наивно повторяла, что «время быстро пролетит». Единственного, что сбылось, это полный разгром фашизма и то, что, как было сказано в песне – «До ворот Берлина полк дойдет». Но кто же мог даже подумать в июне 1941 г., что впереди 1418 тяжелых дней войны! Любопытная деталь, требующая раздумий при обращении к военному устному народному творчеству: в песне демобилизованный возвращается с оружием! («С автоматом на плечах»). Таких деталей можно найти немало в устном народном творчестве, которое помогает понять то, что бывает скрыто в других источниках и отражает народное сознание, не обработанное «специалистами».

Мне уже приходилось сообщать о бытовании фронтового фольклора в письменной форме². Не останавливаясь подробно на этом важном вопросе, подчеркну лишь необходимость тщательного просмотра исследователями-фольклористами, да и историками, учеными других дисциплин всевозможных транспарантов, плакатов, указателей, досок объявлений, боевых листков и прочего письменного, чудом сохранившегося в музеях, в домашних архивах и, наверное в Народном архиве в Москве. Это может быть целый пласт народного творчества 1941-1945 гг. Там можно обнару-

² Пушкарев Л.Н. Письменная форма бытования фронтового фольклора // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 25-35; его же. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 109-121.

жить записи частушек, песен, метких изречений, пословиц, призывов и т.д. Все они представляют собой прекрасный источник для изучения менталитета и облика защитника Родины, его исконного творчества.

Во время Великой Отечественной войны бойцы постоянно ощущали нехватку бумаги на фронте. Нередко фронтовые газеты и боевые листки после их прочтения тут же использовались на папиросы-самокрутки. Но многие солдаты пользовались малейшей возможностью выразить свое отношение к войне на дорожных указателях, стенках вагонов, на бортовых поверхностях боевых машин и других транспортных средств, даже на стенах уцелевших или полуразрушенных после бомбежек зданий.

Приведу в качестве примера «боевой листок» с пометками откликов бойцов на происшедшие боевые операции. Во время одной из постановок дымовых завес – в данном случае при форсировании реки пехотинцами, мне, по поручению парторга части, пришлось тянуть между вырытыми бойцами окопчиками-ячейками для дымовиков телефонный шнур, к которому был прикреплен боевой листок с единственной статьей-призывом комсорга роты И.М. Голуба. Передергивая шнур, бойцы протаскивали листок от ячейки к ячейке, передавая его друг другу, попутно заполняя его и с лица, и с оборота своими репликами и оценками. Когда после форсирования реки дымовая завеса была ликвидирована, в моих руках оказался лист бумаги, буквально испещренный пометами бойцов. Там были и призывы, и обязательства, и незамысловатые частушки, рожденные прямо на поле боя.

Вот он этот исторический документ, который начинался в ту эпоху, когда наша армия вступила в Европу. Он начинался с традиционных слов: «Смерть немецким оккупантам!» Далее указывалось, что боевой листок издан подразделением капитана Чумарина и начинался текст листка с призыва: «Обеспечим успех пехоты!» Сам же текст в был таким: «Товарищи! Перед нами поставлена боевая и ответственная задача – прикрыть дымзавесой скрытое накопление наших войск и обеспечить быстрый выход их на форсирование реки. Бойцы, от нашей с Вами аккуратности и точности зависит жизнь наших братьев-пехотинцев и успех боевой операции. Комсомольцы, будьте в первых рядах, личным примером покажите образец внимательности и точности в выполнении боевого задания. Боевые друзья! Мы вступили с Вами в Европу, перешли Вислу, перед нами – Балтика. Сбросим фашистов в море! Смерть немецким оккупантам. Комсорг Иван Голуб».

На обороте боевого листка были пометы: «Фрицам, братцы, стало кисло: позади осталась Висла. Семенов»; «Обязуюсь по-комсомольски выполнить боевое задание. Сержант Головченко. Призываю на соревнование второе отделение»; «За нами дело не станет. Устроим фашистам горе, искупаем их в море! Даниелян»; «Третье отделение к выполнению боевого задания готово. Сержант Козьмин»; «Помоги фашисту в «горе», опрокинь фашиста в море!»; «Ковальчук, подбрось парочку наших шашек, у меня одни американские, боюсь, не отсырели ли. Минаев»; «Мыкола, що ж ты, сучий сын, не мог поглубже ячейку вырыть? Голова же видна, тю, скаженный»; «Принимайся, братцы, за работу, обеспечим дорогу для пехоты! (Здесь же рисунок от руки: боец роет окоп и зажигает дымовую шашку)»; «Стихи писать все горазды, посмотрим, как дымить будете. А я не подведу. Ефрейтор Клименков»; «Роту я не подведу, а фашистам на беду запущу-ка я завесу аж от речки и до лесу»; «Не жалей, ребята, пота, приближается пехота!»; «И что это за стихоплет! Завесу не запускают, а ставят! Надо так: Я ребят не подведу, всем фашистам на беду как поставим мы завесу от дороги и до лесу!»; «Ура, ребята! Пехота пошла! Сергейчук»; «Дымим, братцы, дымим! Передай дальше! Николаев»; «Уж ты, Коля-Николай, дыми, дыми, не зевай. Сашка (шашка Л.П.) зажжется – Николай смеется! Покровский Александр»; «У Покровского у Сашки загорелись три шашки, и от Сашкиной заботы расчихалась пехота»; «Ребят, напротив меня реку уже форсировали, а у вас? Зелепух»; «Коля Зелепух от радости припух!»; «Туши шашки, готовь котелки, повар едет!»; «Мы дымили-дыманули, немцы глазом моргнули, и прикроет наша рота путь для матушки-пехоты. Семчук»; «Выполнил задание, затем и досвидания. Иващенко»; «Голуб, ты

куда смотришь, гляди, что с боевым листком сделали?»; «Ребята, отбой, пошли домой!». Именно этот боевой листок и открыл мне глаза на важность сбора фольклора в его письменной форме бытования. Я, к сожалению, только тогда стал собирать надписи на танках («Бьем фашистов в хвост и спину, злобный враг бежит к Берлину!»), на транспарантах («Скоро, скоро Троица, скоро лес покроется, скоро Гитлера убьют, сердце успокоится!») на стенках вагонов (на поезде с демобилизованными воинами: «До свиданья, за граница, мне давно Россия снится!») и т.д.

Обращает на себя внимание важность подобного типа источников для раскрытия настроения и человеческих переживаний солдата в одном из миллионных эпизодов войны. В самом начале записи боевого листка отражают готовность солдат к выполнению боевого задания, повторяют боевой приказ, затем – подчеркивают уверенность в победе наших войск. Но вот река форсирована, дымовая завеса не нужна, напряжение в батальоне спало, и посыпались уже раскованные шуточки – прибауточки, частушки... Как жаль, что боевые листки в массе своей почти не дошли до нас! Какой это превосходный источник для характеристики менталитета бойцов во время боя! Надписи на обороте боевого листка до сих пор обжигают душу, многое говорят о боевом духе фронтовиков, их бесстрашии, о любви к Родине, о верности долгу. Намного больше, чем казенные пропагандистские словеса, которым бывала наполнена литература с безмерным прославлением Сталина.

Нередко мои фронтовые товарищи задавали мне вопрос – а не напрасный ли это труд – фронтовые записи фольклора? «Вот завтра тебя убьют – и что будет с ними?». Конечно, и такой вариант был более чем реален. Друзьям-фронтовикам я отвечал словами Л.Н. Толстого: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет!» Поэтому я старался не хранить при себе эти записи, а при первом же удобном случае отсылал их моим институтским преподавателям – В.И. Чичерову и В.Д. Кузьминой. Они сберегли их и торжественно вручили мне после моей демобилизации.

Конечно, немало из моих фронтовых записей устного народного творчества безвозвратно погибло при бомбежках наших позиций, во время моей контузии. Но все же я уцелел в военной круговерти и сохранил в памяти те военные пути-дороги, на которых состоялись встречи с талантливыми певцами и мудрыми сказочниками, бесшабашными частушечниками, да и просто умудренными жизнью и большим житейским опытом русскими людьми, знавшими цену острому словцу, мудрой пословице, звонкой прибаутке и задушевной песне.

FOLKLORE USAGE AND TECHNIQUES OF FOLKLORIST FROM THE FRONT-LINE

L.N. PUSHKAREV

*Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences*

e-mail: pushkarev@mail.ru

Author presents in the article the records of the Great Patriotic War soldier, who went to the front as a volunteer. Before the war began he was a student at the Moscow pedagogical institute n.a. Karl Libkneht (after the war – Moscow state pedagogical institute n.a. V.I. Lenin). The author explains in his article-memoir his method of collecting the folklore in the troublesome front-line conditions. Supplementing other sources, these materials characterize the way of thinking, spiritual demands, mentality and the moral make-up of a soldier – fighter of the Soviet army during the war years.

Key words: Great Patriotic War, front, hospital, front-line paper, folklore, folk-song, couplet, fairy tale.